

УДК 32.019.52

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ТРАГЕДИИ В РОССИЙСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ: НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ 2018–2024 ГГ.

Чернопятова Софья Александровна

- e-mail: sofya.chernopyatova@yandex.ru;
аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета
политологии
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, Российская Федерация

Для цитирования

Чернопятова С. А. Коллективные трагедии в российском массовом сознании: на примере событий 2018–2024 гг. // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 10.10.2025
- Статья размещена на сайте 06.05.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Теоретические основания и модель исследования](#)

[Результаты анализа ответов респондентов, полученных
с помощью эмпирического исследования](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить особенности восприятия коллективных трагедий, произошедших в России в период с 2018 по 2024 гг., а также определить их роль в формировании коллективной идентичности.

Процедура и методы. В рамках работы над заявленной темой были проведены фокус-группы, респонденты которых были разделены по поколенческому принципу. Были сделаны выводы, что рассматриваемые события (пожар в ТРЦ «Зимняя вишня», пандемия коронавируса и начало Специальной военной операции), которые можно назвать «потенциально травмирующими», оставили отпечаток в сознании разных возрастных групп.

Результаты. Удалось выяснить, что для граждан средней возрастной категории характерна наибольшая рефлексия трёх рассматриваемых событий – им принадлежали наиболее полные и развёрнутые ответы, кроме того, большую роль в формировании представлений опрошенных играет политический лидер. Респондентам из молодёжных фокус-групп принадлежали самые амбивалентные ответы – несмотря на то, что названные события они, судя по ответам, помнят достаточно чётко, единой оценки не присутствует. Ответы группы пенсионеров могут свидетельствовать о размытых представлениях о событиях 2018–2024 гг. В то же время можно отметить, что в своих комментариях опрошенные опирались на исторические параллели, что может означать, что социально важные для них события остаются в прошлом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулировано предположение, что травма является одним из значимых феноменов, влияющих на формирование представлений о стране, о власти, о лидерах, а также одним из элементов конструирования национально-государственной идентичности. Это означает, что процесс травматизации памяти заслуживает отдельного внимания в рамках политических исследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идентичность, образ, политическое восприятие, трагедия, травма, травматизация памяти, триумф

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие Россия столкнулась с целым рядом вызовов и угроз, которые повлияли на представления её граждан о разных политических процессах, происходящих в стране и в мире. Отдельная категория среди таковых – коллективные трагедии. Полученные в результате трагедий травмы обладают потенциалом укрепления национально-государственной идентичности, а также консолидации общества вокруг определённого события. Стоит также отметить, что именно события прошлого закладываются в оценки событий настоящего или даже будущего. В последние годы в России преобладают механизмы «ренессансного» конструирования образа будущего [8, с. 254]. Это означает, что жители страны на вопрос «Что ждёт наше государство?» склонны искать ответы в прошлом, сопоставляя происходящее с яркими (подчас шокирующими) эпизодами из истории.

Травму можно определить как «коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий» [11, с. 6–16]. Сегодня в условиях постоянно меняющегося мира коллективная травма становится одним из атрибутов, определяющих социальную группу. Речь может идти как об относительно давних событиях (например, о Холокосте в западном научном дискурсе или о Великой Отечественной войне – в российском), так и о современных. Поэтому изучение феномена постоянно продолжается и не теряет своей актуальности.

Целью настоящего исследования выступает выявление особенностей восприятия коллективных трагедий, произошедших в России в период с 2018 по 2024 гг., а также определение их роли в формировании коллективной идентичности.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

За основу модели представленного далее исследования было взято утверждение, согласно которому: 1) коллективные трагедии являются важной частью конструирования образов прошлого; 2) как следствие – они оказывают значительное влияние на формирование идентичности, в том числе – национально-государственной. Анализируя, каким образом опыт пережитой травмы влияет на ценностные ориентации, на понимание дихотомии «свой – чужой», на представления о без-

опасности, можно сделать вывод, как меняется «условный коллектив».

Коллективные травмы на сегодняшний момент активно исследуются в отечественном научном поле, в первую очередь – как часть проблематики исторической политики. Среди российских авторов можно упомянуть Д. А. Аникина [2]. Он также отмечает наличие другого социально-психологического явления – политически триумфального события: трагедия может трансформироваться в триумф или лежать в его основе. Так, например, большинство россиян считают самым «чёрным» эпизодом в истории России Великую Отечественную войну. И в то же время абсолютно уверены, что главный наш триумф – это Победа над нацистской Германией.

Травмирующее событие очень часто становится таковым при наличии условных «рассказчиков» – коллектива, который не просто пережил шокирующий опыт, но и готов транслировать то, что с ним произошло [6, с. 169–176]. Например, известно, что Холокост стал величайшей трагедией мирового масштаба во многом благодаря сообщению об этом еврейских общин в США [1, с. 5–40]. Во многом именно наличие «пересказанного опыта» влияет на формирование идентичности «мемориального» характера [9, с. 7–12], когда представления об условных «мы» формируются на основании событий прошлого. Долгие годы основным событием прошлого оставалась Великая Отечественная война и, в частности, Победа над нацистской Германией (основа конструирования идентичности – гордость за поколение победителей). Однако нельзя отрицать, что таким потенциалом обладают и иные эпизоды из истории России. Несмотря на то, что многие исследователи отмечают, что трагедия-травма может привести к слому социальных ориентиров и идеалов [10, с. 5–45], нельзя отрицать, что она же может стать мощнейшим инструментом консолидации общества на основании пережитого опыта [10, с. 5–45].

Достаточно большой процент авторов, работающих с темой политики памяти, акцентируют внимание на том, что оценка одних и тех же явлений может отличаться в разных возрастных группах [4]. Помимо этого, трансформируется и понимание каких-либо социально-психологических категорий (оценки материальных благ, ощущения принадлежности к определённым группам и т. д. [5]). Как следствие – при анализе критических ситуаций, катастроф также необходимо обращать внимание на

то, кто из граждан, какая именно возрастная категория наиболее сильно рефлексирует по поводу произошедшего.

Наконец, необходимо отметить роль исторических параллелей в контексте изучения травматизации памяти. Можно сказать, что оно носит две принципиально важные функции. Первая (уже была упомянута) – это формирование национально-государственной идентичности. Сравнивая текущие события с прошлыми, люди могут почувствовать себя частью более крупной исторической общности, разделяющей общие ценности и судьбу. Например, во время конфликтов и политических кризисов представители больших социальных групп часто вспоминают важные исторические события, объединяющие её представителей и мобилизующие её на борьбу, на действия и т. п. Вторая функция – прогностическая. Анализируя причины и последствия прошлых событий, люди пытаются предвидеть развитие текущей ситуации и подготовиться к возможным будущим угрозам. В то же время прошлые события могут давать и позитивный исход.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическая работа, проведённая в первой половине 2024 г., представляла собой исследование восьми фокус-групп, дифференцированных по принадлежности респондентов к возрастным категориям 18–35, 36–55 и старше 56 лет. Исследование проводилось в столице и Московской области, выборка была сбалансирована по полу и возрасту. В качестве кейсов для исследования было принято решение выбрать события последних шести лет, 2018–2024 гг. Во-первых, была предпринята попытка рассмотреть, каким образом россияне восприняли более поздние трагические происшествия, не описанные в трудах других авторов. Во-вторых, исследование должно было включать события принципиально разных уровней. Таковые удалось также найти в упомянутом временном периоде – пожар в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня», начало российско-украинского конфликта и пандемия коронавируса. Эти события так или иначе затрагивают культурный слой травмы, поскольку являются экстраординарными событиями, приведшими к пересмотру жизненных ориентиров. Основным

содержанием данного этапа стала попытка проанализировать поколенческий фактор в оценке травмирующих событий.

Результаты фокус-группового исследования, участие в котором приняли лица от 18 до 35 лет, представляют интерес с той точки зрения, что многие из участников исследования, попадающие в конкретную выборку, не застали трагических событий «нулевых» годов¹. С одной стороны, безусловно, молодые люди знают о катастрофах прошлого со слов своих близких, преподавателей и иных лиц, участвовавших в их социализации. Более того, некоторые из респондентов в конце беседы упоминали, что считают главными трагедиями России захват школы в Беслане, теракты в московском метро, конфликт в Южной Осетии². В то же время таких ответов было немного.

Большинство участников фокус-групп говорили о том, что современные события вызывают у них смешанные чувства³. Наиболее неоднозначные оценки у опрашиваемых вызывало всё, что было связано с 24 февраля 2022 г. При этом в рамках исследования выяснилось, что молодёжь испытывает сожаление по отношению к жителям Донбасса на личностном уровне. Один из участников отметил: *«Испытываю сожаление на уровне семей, людей, но не в региональном аспекте»* (муж., 18 лет).

Когда в рамках беседы заходила речь о начале Спецоперации, оценки участников становились амбивалентными. *«Было очень страшно... Сейчас я думаю, что у России есть план, который должен привести к успешному разрушению конфликта, об этом говорят уверенные высказывания Президента»* (жен., 18 лет), – заявила одна из респондентов. Причём другой участник этой же беседы отметил, что *«сейчас я get used to it. Но это не умаляет трагичности»* (жен., 24 года).

Всё это может свидетельствовать о том, что начало Спецоперации в сознании молодёжи оставило весомый отпечаток, однако пока рано судить, насколько глубинно его влияние. В подтверждение данного суждения говорит хотя бы тот факт,

¹ Например, в одной из фокус-групп было как минимум два респондента, не знавших, что такое «Норд-Ост», в другой – один.

² Последние два события, очевидно, уже относятся к первичной социализации респондентов и могли являться «закрепившимися» политическими воспоминаниями из детства.

³ Одним из самых поразительных ответов на вопрос из завершающего блока стало заявление респондента о том, что он считает трагическим событием вагнеровский мятеж. Комментировать причину такого решения респондент отказался, а ещё – назвал только дату, без упоминания Е. Пригожина и иных действующих лиц.

что некоторые из респондентов замечали, что теперь *«понижают, зачем это всё нужно было»*. Вполне возможно, что со временем число таких оценок в сознании российской молодежи будет ещё больше.

Что же касается пандемии COVID-19, она практически не закрепились в сознании рассматриваемой возрастной группы. В блоке вопросов про пандемию ответы были односложными, а когда участников просили назвать хотя бы ключевые фигуры тех событий, то звучало имя Президента, иногда – премьера М. В. Мишустина. Некоторые респонденты упоминали «врача из Коммунарки» Д. Н. Проценко, но при этом не могли вспомнить его имени.

Работа с кейсом «Зимней вишни» показала, что акцент в восприятии событий у молодежи смещён в сторону гнева, обличения и поиска виноватых. Но в то же время нельзя сказать, что возрастная группа воспринимает это событие как трагедию. В ответах респондентов встречается очень много констатации фактов. Когда же речь заходила о том, как политик, лидер должен проявить себя в подобных ситуациях, молодежь упоминала, что руководитель должен как соблюсти некие «социальные ритуалы» (выразить соболезнования близким, прибыть на место трагедии), так и принять крайне решительные действия.

События, связанные с «Зимней вишней», респонденты *средней возрастной группы* помнят достаточно подробно и отчётливо. Люди, участвовавшие в проведении фокус-групп, вспоминали, как видели новостные репортажи, транслируемые на телеканалах, а также смотрели короткие и срочные сводки в социальных сетях и на поисковых платформах⁴. Один из респондентов также заявил, что отчётливо помнит, что пожар произошёл в выходной день (что действительно правда – трагедия 25 марта выпала на воскресенье⁵).

В словах опрашиваемых часто звучали сожаление или скорбь по поводу гибели посетителей торгового центра (*«Весь интернет и телеканалы освещали данную трагедию. Очень страшно и жалко людей, особенно детей»*). Женщины чаще акцентиро-

⁴ Случай с «Зимней вишней» любопытен ещё в том плане, что респонденты чаще упоминали телевидение как основной источник информации. В случае с другими примерами в ответах чаще фигурировали социальные сети и интернет.

⁵ Хроника трагедии в Кемерово // Коммерсант: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3592662> (дата обращения: 19.04.2024).

вали внимание именно на жертвах среди последних: в обеих группах участницы смогли вспомнить об эпизодах, связанных с кинозалом⁶ (что не удалось никому из респондентов более молодой возрастной категории).

Пандемия снова отпечаталась в сознании респондентов весьма размыто. Принадлежащие к группе 36–55 лет отмечали, что COVID-19 унёс много жизней, что само по себе является трагедией. Вспоминали о вакцинации и «ковидных паспортах». Рассказывали личные истории о дистанционном обучении (пример приводила женщина – педагог по профессии) и т. д. Таким образом, несмотря на все слова о «кошмаре», который пришлось пережить во время распространения заболевания, нельзя сказать, что понимание того периода как коллективной трагедии⁷ у этой части населения сложилось как таковое.

Самое важное – это то, что никто из участников фокус-групп не отрицал того факта, что государство принимало активное участие в борьбе с COVID-19. Правда, оценки результатов этой работы у респондентов были смешанные. В то время как одни отмечали, что *«власти активно работали с этой проблемой. Разрабатывалось несколько видов вакцин одновременно»*, другие утверждали, что государство устроило над своим населением чуть ли не *«медицинский эксперимент»*. Отсутствие консолидации и единого мнения по вопросу восприятия одних и тех же эпизодов может указывать на отсутствие процесса травматизации памяти в этом направлении.

Любопытно, но именно средняя возрастная группа назвала наибольшее количество «действующих лиц» карантинного периода. Среди людей, принимающих наиболее важные решения во время пандемии, по мнению опрошенных, находятся М. В. Мишустин, Д. Н. Прощенко, М. А. Мурашко. Стоит также отметить, что респонденты в этом случае практически не говорили о роли Президента в решении накопившихся проблем «пандемийного характера», но, когда респондентам был задан уточняющий вопрос «А как в этой ситуации повёл себя Президент?», многие отметили, что он постоянно был в курсе ситуации, являлся, по сути, координатором *«всех действий Правительства и региональных чиновников»* (жен., 42 года) – следовательно-

⁶ См., например: При пожаре в кинотеатре в ТЦ в Кемерово погибли четыре ребёнка. Их тела найдены прямо в кинозале // MASH: [сайт]. URL: <https://t.me/mash/4671> (дата обращения: 19.04.2024).

⁷ Речь идёт о тех же результатах исследования, перенесённых на генеральную совокупность.

но, образ лидера в данном контексте у респондентов формировался позитивный, но сам собой разумеющийся.

В блоке, связанном с событиями Специальной военной операции, респонденты данной возрастной группы чаще акцентировали внимание именно на том, что они разделяют скорбь жителей Донбасса, ждавших освобождения на протяжении 8 лет. Среди реплик, которые в наибольшей степени отразили суть восприятия этого момента, можно выделить следующую: «*Трагедия всегда плохо, вне зависимости от местожительства. Нужно быть милосердным ко всем*» (муж., 51 год). Что же касается восприятия событий 24 февраля 2022 г., участники исследования заявляли как о том, что испытывали чувство смятения в момент начала СВО⁸, так и о том, что они сразу подумали о победе России.

Упомянутые события в сознании респондентов данной возрастной группы тесно связаны с образом лидера. Упоминания Президента встречались в практически 30% случаев, даже в первых, вводных вопросах блока, где речь про политиков не шла. Небольшое количество участников рассматриваемых групп заявили о крайне личностном отношении к главе государства и современному политическому курсу страны («*Помню обращения Президента, чувствовала и страх, и гордость за Президента за такое решение*» (жен, 54 года – о событиях 24 февраля 2022 г.)). Это может означать, что образ лидера применительно к данному кейсу в сознании упомянутых участников групп сложился наиболее чётко и многопланово.

Относительно конкретного вопроса «Как лидер должен вести себя в подобной ситуации?» большинство респондентов 36–55 лет отмечали, что понимают, почему Президент принял такое решение и что далось оно ему нелегко. Кроме того, во время анализа результатов было замечено, что участники исследования называют те требования и качества, о которых речь идёт и в исследованиях идеального образа российского лидера [7, с. 24–37]. Респонденты говорили о том, что Президент должен принимать обдуманые, смелые решения и при этом не ориентироваться на то, что говорят другие международные игроки. Таким образом, в сознании россиян среднего

⁸ Часть респондентов при этом добавляла, что сегодня понимает цели и задачи, которые пытается достигнуть государство: «*Сейчас более-менее понятна политика Президента, Правительства... Пришло понимание, для чего всё это и что нужно обязательно довести начатое до логического конца*».

возраста СВО укрепило веру в сильного лидера с конкретными паттернами поведения⁹.

Специфику восприятия травмирующих событий у *пожилых людей* оказалось выяснить весьма проблематично: ответы участников этих групп были куда проще, в некоторых случаях – вопрос вообще мог остаться без комментария от некоторых респондентов, потому что те *«не знали, что сказать»*. Тем не менее представить общую картину после анализа результатов всё же возможно.

Стоит отметить, что у респондентов из данной возрастной группы сильно отличалось понимание коллектива. Участники фокус-групп подразумевали под этим словом в первую очередь группу лиц, объединённых по принципу работы. В двух предыдущих возрастных категориях это понимание чаще всего было связано с большими общностями. Это может свидетельствовать о том, что в группе пожилых на восприятии сказывается социальный опыт прошлого.

Оценка трагических событий в Кемерово в целом схожа с теми, что дали представители средней возрастной группы. Однако в этом случае не все респонденты в принципе смогли вспомнить, о каком пожаре идёт речь. Подробности про погибших детей, кинозал и последующее расследование также были опущены.

Просьба поделиться воспоминаниями о периоде пандемии у лиц старше 56 лет вызывала наибольший эмоциональный отклик. В частности, респонденты рассказывали о своём опыте, о том, как они переживали изоляцию, о том, какая обстановка была в «красной зоне». Однако основных лиц, внёсших свой вклад в борьбу с COVID-19, назвать не смогли. Единственное, некоторые участники беседы отмечали, что считают героями тех лет простых врачей и медсестёр¹⁰. Ещё одно яркое воспоминание (его озвучила одна из респонденток, и группа её поддержала) связано с постоянной публикацией статистики заболеваемости и смертности: *«Я в телефон боялась даже захо-*

⁹ Один из респондентов заявил, что полностью поддерживает действия нашего Президента, добавив, что тот сделал то, что должен был. На вопрос «А что конкретно?» он ответил следующим образом: *«Конечно, встать на защиту российских граждан. Несмотря на то, на какой территории они проживают»*.

¹⁰ Однако были и иные ситуации. Респондент – женщина 65 лет – оказалась в больнице из-за заражения коронавирусной инфекцией. Отмечала полное безразличие к людям: *«Только приходили каждые два часа: я – врач такой-то, я врач – такой-то. Только и менялись. Выживали сами»*.

дить, смотреть, сколько человек заразилось ещё» (жен., 67 лет). Рассказы о собственном опыте, без упоминаний каких-то глобальных процессов, по типу карантина или усиления роли онлайн-коммуникации могут свидетельствовать о том, что для пожилых людей пандемия стала трагедией, но не приобрела статуса «коллективного» – каждый из участников фокус-групп переживал этот опыт по-своему.

Блок ответов на вопросы, связанные со Спецоперацией, содержал в себе два принципиально важных момента. Во-первых, частично респонденты выстраивали параллели с Великой Отечественной войной, во-вторых, в их ответах часто упоминалась фигура Президента В. В. Путина. Отношение к образу последнего было скорее позитивным: несмотря на то, что несколько респондентов говорили, что не понимают, зачем *«было всё это начинать»*, остальные отмечали, что *«Президент не хотел того же, что в Сирии, и не нам судить, что там решалось»* (муж., 69 лет). Следовательно, образ лидера, формируемый в сознании респондентов из данной социальной группы, строится на стереотипах, на параллелях, на архетипичном представлении [3, с. 38–47] о том, как и что должен делать представитель власти в таких ситуациях. Следовательно, у пожилой группы респондентов восприятие как политиков, так и трагедий последних шести лет наиболее размытое.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная Россия ввиду происходящих мировых изменений очевидно столкнулась с трансформацией представлений о власти, о стране, о ценностях. Но нельзя отрицать, что травмирующие события 2018–2024 гг. сыграли свою роль в этих процессах. Это означает, что в обществе сохраняется запрос на «сильные и решительные» действия со стороны властей, о которых упоминали респонденты различных возрастных категорий. Кроме того, нельзя отрицать, что рассмотренные события могут стать основой для формирования национально-государственной идентичности.

В заключении можно отметить, что получившаяся картина результатов достаточно сильно различается в зависимости от возраста участников фокус-групповых интервью. Три эпизода: пожар в ТРЦ «Зимняя вишня», пандемия коронавируса и события, связанные с украинским конфликтом, – оказали наиболь-

шее влияние на восприятие молодёжной категории респондентов. В то же время именно у этих респондентов ответы вышли наиболее амбивалентными. В случае со второй возрастной категорией можно отметить особую оптику по отношению к страданиям определённых категорий людей (будь то гибель детей в Кемерово или солидарность с жителями новых территорий). В сознании участников исследования из диапазона в 36–55 лет присутствуют другие трагические события, оказавшие большее влияние на их восприятие. Однако три названных эпизода из новейшей истории России также закрепились на рациональном уровне. Наконец, эти же события практически не повлияли на опрошенных из последней, пожилой возрастной группы. Это может означать то, что на протяжении их жизни происходили более знаковые травмирующие события, которые и закрепились в их сознании. Всё это может свидетельствовать о том, что для каждой возрастной группы может существовать своё понимание трагических событий, которое определяет их восприятие на многие годы вперёд.

Очевидно, что процесс травматизации памяти заслуживает отдельного внимания в рамках политических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александер Д., Куракин Д. Ю. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3. С. 5–40.
2. Аникин Д. А. Травматизация исторической памяти: Европейский проект vs национальный дискурс [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis. 2019. №4. URL: <https://st-hum.ru/content/anikin-da-travmatizaciya-istoricheskoy-pamyati-evropeyskiy-proekt-vs-nacionalny-diskurs> (дата обращения: 29.03.2026).
3. Веселов Ю. А. Архетипы власти // Социум и власть. 2023. №2. С. 38–47.
4. Зубко Д. В., Клюев Ю. В. Теория поколений в фокусе ценностей: к вопросу целесообразности применения поколенческой концепции при стратегическом планировании [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. №3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/02SCSK322.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).
5. Касьянов В. В., Самыгина Л. В., Чупрытников С. А. Историческая память современной российской молодежи: особенности формирования и роль в системе патриотического воспитания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.

- Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2022. №3. С. 26–31.
6. Разумовская Т. А. Диалоги с болью: теория и практика катастрофы (рецензия на книгу: Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.) // Социологический журнал. 2010. №3. С. 169–176.
 7. Рогач Н. Н. Образ идеального президента в современной России: социально-демографическое измерение // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. №4. С. 24–37.
 8. Смутькина Н. В., Усманова З. Р. Актуализация образов прошлого в представлениях граждан о будущем России // Политическая наука. 2023. №2. С. 254–272.
 9. Титов В. В. Конструирование национально-государственной идентичности в XX веке: анализ советского опыта // Информационные войны. 2016. №2. С. 7–12.
 10. Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.
 11. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социс. 2001. №1. С. 6–11.

ARTICLE INFORMATION

Author

Sofia A. Chernopyatova

- e-mail: sofya.chernopyatova@yandex.ru,
Postgraduate student, Department of History and Theory of Politics,
Faculty of Political Sciences,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory GSP-1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Chernopyatova, S. A. (2026). Collective Trauma in Russian Mass Consciousness: Case Study of Events From 2018 to 2024. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To analyse the peculiarities of the perception of collective trauma that occurred in Russia in the period from 2018 to 2024, as well as to determine its role in the formation of collective identity.

Methodology. As part of the work on the stated topic, focus groups were conducted, the respondents of which were divided according to the generational principle – it was concluded that the events under consideration (the fire in the "Zimnyaya vishnya" shopping center, the coronavirus pandemic, and the beginning of a special military operation), which can be called "potentially traumatic," left an imprint in the minds of different age groups.

Results. It was found out that the citizens of the middle age category are characterized by the greatest reflection of the three events under consideration - they had the most complete and detailed answers, in addition, the role of a political leader plays an important role in shaping the perceptions of the respondents. The respondents from the youth focus groups had the most ambivalent answers; despite the fact that, judging by the answers, they remember these events quite clearly, there is no single assessment; the answers of the group of pensioners may indicate vague ideas about the events of 2018-2024. At the same time, it can be noted that in their comments, the respondents relied on historical parallels, which may mean that socially important events for them remain in the past.

Research implications. The assumption is formulated that trauma is one of the significant phenomena influencing the formation of ideas about the country, about

power, about leaders, as well as one of the elements of the construction of national and state identity. This means that the process of memory traumatization deserves special attention in the framework of political research.

Keywords

identity, image, political perception, tragedy, trauma, traumatization of memory, triumph

References

1. Alexander, D. & Kurakin, D. Yu. (2012). Cultural Trauma and Collective Identity. In: *Sociological Journal*, 3, 5–40 (in Russ.).
2. Anikin, D. A. (2019). Traumatization of Historical Memory: The European Project vs. National Discourse. In: *Studia Humanitatis*, 4. URL: <https://st-hum.ru/content/anikin-da-travmatizaciya-istoricheskoy-pamyati-evropeyskiy-proekt-vs-nacionalnyy-diskurs> (accessed: 29.03.2026) (in Russ.).
3. Veselov, Yu. A. (2023). Archetypes of Power. In: *Society and Power*, 2, 38–47 (in Russ.).
4. Zubko, D. V. & Klyuev, Yu. V. (2022). Theory of Generations in Focus on Values: On the Expediency of Applying the Generational Concept in Strategic Planning. In: *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 13 (3). URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/02SCSK322.pdf> (accessed: 29.01.2026) (in Russ.).
5. Kasyanov, V. V., Samygina, L. V. & Chuprynnikov, S. A. (2022). Historical Memory of Modern Russian Youth: Features of Formation and Role in the System of Patriotic Education. In: *Humanities, Social-Economic and Social Sciences. Series: Historical Sciences. Cultural Studies. Political Sciences*, 3, 26–31 (in Russ.).
6. Razumovskaya, T. A. (2010). Dialogues with Pain: Theory and Practice of Disaster (Book Review: Trauma: Points: A Collection of Articles / comp. by S. Ushakin, E. Trubina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2009. 936 p.). In: *Sociological Journal*, 3, 169–176 (in Russ.).
7. Rogach, N. N. (2020). The Image of the Ideal President in Modern Russia: A Socio-Demographic Dimension. In: *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 4, 24–37 (in Russ.).
8. Smulkina, N. V. & Usmanova, Z. R. (2023). Actualization of Images of the Past in Citizens' Views of Russia's Future. In: *Political Science*, 2, 254–272 (in Russ.).
9. Titov, V. V. (2016). Construction of National-State Identity in the Twentieth Century: An Analysis of Soviet Experience. In: *Information Wars*, 2, 7–12 (in Russ.).

10. Ushakin, S. & Trubina, E., comps. (2009). *Trauma: Basic Provisions: A Collection of Articles*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ. (in Russ.).
11. Shtompka, P. (2001). Social Change as Trauma (Article One). In: *Socis. Sociological Studies*, 1, 6–11 (in Russ.).